4225
4453
Пров 35

Воспоминанія о Василіи Петровичѣ Преображенскомъ.

Смерть Василія Петровича Преображенскаго была признана большой утратой. Это признаніе высказывалось всѣми, кто въ телеграммахъ или некрологахъ говорилъ о покойномъ. Едва ли, однако, тѣ свѣдѣнія, которыя сообщались въ этой краткой вѣсти о его смерти достаточны, чтобы людямъ, незнавшимъ Василія Петровича лично, дать понятіе о томъ, чѣмъ онъ былъ для общества, которое его окружало.

Было сказано, что онъ состоялъ многіе годы сначала негласнымъ, затѣмъ гласнымъ редакторомъ единственнаго у насъ философскаго журнала, что онъ руководилъ имъ очень умѣло, что, наконецъ, онъ самъ, хотя и рѣдко, выступалъ въ этомъ журналѣ со своимъ словомъ, всегда вѣскимъ, умнымъ и строго научнымъ. Все это правда; и если говорить о заслугахъ Василія Петровича передъ русской наукой, то конечно придется указать прежде всего на его редакторство, упомянуть о сочиненіяхъ Лейбница, объ Этикѣ Спинозы и другихъ философскихъ книгахъ, имъ изданныхъ, придется говорить о его самостоятельныхъ этюдахъ о Шопенгауэрѣ и Ницше, наконецъ о его остроумныхъ критическихъ замѣткахъ, разсѣянныхъ въ библіографическомъ отдѣлѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи". Если оцѣнить всѣ эти труды по достоинству, то окажется, что въ лицѣ покойнаго мы потеряли хорошаго работника—

1в
3360
95

изслѣдователя, умѣлаго издателя-редактора, остроумнаго и осторожнаго критика. Каждая изъ этихъ ролей, выполненныхъ имъ при большой глубинѣ и разносторонности мысли, достаточно, повидимому, опредѣляетъ величину понесенной нами утраты,—но тѣ, которые знали близко покойнаго, не согласятся, что именно этими трудами исчерпывается все его значеніе какъ личности и дѣятеля. Его научная работа представляется мнѣ однимъ изъ многихъ, но далеко не единственнымъ проявленіемъ его духа.

Василій Петровичъ не принадлежалъ къ числу убѣжденныхъ проповѣдниковъ какой-нибудь опредѣленной философской доктрины; онъ не былъ бойцомъ, вербующимъ въ свой станъ; связнаго, оригинальнаго міросозерцанія, приведеннаго въ строгую систему и объединяющаго одной идеей всѣ явленія духовной и матеріальной жизни у него, сколько я знаю, не было; но у него помимо цѣлаго ряда самостоятельно выработанныхъ отдѣльныхъ взглядовъ на различные вопросы жизни и духа была неоцѣненная способность понимать всякое міровоззрѣніе, на какое бы сопротивленіе мысли оно въ немъ самомъ ни наталкивалось. Такихъ міровоззрѣній онъ изучилъ очень много, отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ, по памятникамъ, и если онъ не примкнулъ ни къ одному изъ нихъ и числа ихъ не умножилъ, то взамѣнъ этого всегда могъ свободно, безъ предубѣжденія любую философскую мысль провѣрять ей противоположной или дополнять и пояснять ей сходной.

Василій Петровичъ дѣлился своими сужденіями и взглядами охотно со всѣми, кто съумѣлъ подойти къ нему на болѣе или менѣе близкое разстояніе. Скажу тутъ же кстати, что это не всегда бывало легко для желающихъ. Онъ былъ очень требователенъ къ людямъ, умѣлъ довольствоваться самимъ собою и за людьми не ухаживалъ; но кого онъ дарилъ своей дружбой или просто вниманіемъ, тотъ всегда бывалъ въ выигрышѣ. Я убѣжденъ, что именно въ этомъ раздариваніи своихъ духовныхъ богатствъ людямъ, способнымъ пустить ихъ въ оборотъ, въ этомъ возбужденіи кри-

тической мысли въ чужой головѣ, заключалась главнымъ образомъ его общественная заслуга.

Онъ любилъ спорить и говорить на самыя разнообразныя темы; любилъ заставлять противника озираться, любилъ выбивать его изъ позиціи, и удары его бывали иногда безпощадны. Такъ, разговаривая, споря и шутя, появлялся этотъ человѣкъ въ самыхъ различныхъ кругахъ Москвы, за предѣлы которой онъ только одинъ разъ въ жизни выѣхалъ. Отбывъ указанное число часовъ въ Городской Думѣ, гдѣ онъ служилъ, повидавъ людей, онъ уединялся въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ изъ двухъ книжныхъ шкаповъ на него смотрѣли всѣ мудрецы міра, тщательно имъ собранные въ лучшихъ изданіяхъ. Онъ велъ съ ними долгую бесѣду и, судя по маргинальнымъ замѣткамъ, очень придирчивую бесѣду. Изъ этихъ единоборствъ онъ выходилъ бодрымъ, безъ поврежденій, хотя боролся нерѣдко съ богами и затѣмъ самъ шелъ состязаться съ простыми смертными. Ученый философъ безъ каѳедры, редакторъ журнала, въ которомъ онъ самъ писалъ очень мало, остроумный спорщикъ въ избранномъ кругу—онъ былъ явленіемъ довольно оригинальнымъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить его умственную силу, нужно было не столько его читать, сколько съ нимъ поспорить, а онъ любилъ діалогъ, предпочитая его монологу не въ примѣръ многимъ русскимъ образованнымъ людямъ; не любилъ онъ только партнера безъ репликъ, и скудоуміе сосѣда ему языка не развязывало именно потому, что онъ не былъ проповѣдникомъ какой-либо опредѣленной доктрины.

Объ этомъ своеобразномъ человѣкѣ, личность и слово котораго, какъ я знаю, благотворно повліяли на весьма многихъ лицъ, мнѣ хотѣлось бы вспомнить. Я прошу только извинить меня, если, говоря о Василіи Петровичѣ, мнѣ придется упоминать о другихъ лицахъ, для читателя совсѣмъ не интересныхъ, но съ которыми онъ неизбѣжно долженъ встрѣтиться, такъ какъ именно въ кругу этихъ лицъ и на ихъ глазахъ покойный росъ и развивался.

Я познакомился съ Василіемъ Петровичемъ осенью 1881 года на кладбищѣ Покровскаго монастыря. Хоронили моего отца, извѣстнаго ученаго слависта; нѣсколько студентовъ, моихъ товарищей по первому курсу, пожелали почтить его память и незваные пришли на его похороны. Свое участіе въ этомъ для нихъ совсѣмъ чужомъ горѣ они выразили тѣмъ, что предложили мнѣ свою дружбу. Василій Петровичъ былъ въ числѣ этихъ первыхъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ на самомъ порогѣ университета и съ которыми вступилъ въ новую жизнь. Не въ одиночку, а сразу, цѣлымъ кружкомъ, начали мы эту жизнь въ стѣнахъ университета.

Мы сблизились черезвычайно быстро, несмотря на разницу въ темпераментахъ и въ семейныхъ и школьныхъ традиціяхъ и жили мы очень замкнуто, довольствуясь другъ другомъ. Стоя вдали отъ многихъ студенческихъ интересовъ, мы всецѣло отдались только одному увлеченію, очень неопредѣленному и туманному, но крѣпко насъ связующему. Это было увлеченіе наукой. Кто она была въ своей сущности эта строгая наука и что она могла дать для нашей жизни—это, конечно, намъ было неясно; но мы довольствовались тѣмъ, что она существовала передъ нами въ видѣ университетскаго зданія и профессоровъ, которые въ опредѣленные часы разносили ее по разнымъ аудиторіямъ. Университетъ мы посѣщали ревностно, всѣхъ профессоровъ слушали внимательно и старались записать каждое ихъ слово; съ благоговѣніемъ воспринимали мы все, что намъ давалось во имя знанія, и цѣнили мы это знаніе ради него самого, не пытаясь связать его съ окружающей насъ жизнью. Университетъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы съ перваго же курса вселить и поддержать въ насъ эту любовь ко всѣмъ отраслямъ науки безразлично. Онъ сдѣлалъ это конечно безъ умысла, просто,—поручивъ на первомъ же курсѣ преподаваніе цѣлому ряду выдающихся профессоровъ, которые заставляли насъ перекочевывать изъ одной аудиторіи въ другую и думать, что изъ всѣхъ

наукъ самая интересная именно та, которую намъ въ данный часъ преподавалъ тотъ или другой учитель.

В. И. Герье читалъ намъ римскую исторію и слушая этотъ курсъ, въ которомъ съ научной строгостью подобранный матеріялъ такъ гармонично сочетался со стройной формой, иногда холодной, но всегда пластичной, слушая этотъ разсказъ, всегда сказанный съ каѳедры, а не прочитанный, мы готовы были поклясться, что во всемъ свѣтѣ одинъ только civis romanus имѣетъ всѣ права на наши умственныя и сердечныя симпатіи... Но лекція кончалась и черезъ четверть часа передъ нами воскресала наша родная старина. Оцѣнить все научное значеніе курса В. О. Ключевскаго мы, конечно, тогда не могли; но передъ нами былъ художникъ, до виртуозности доводившій образность своей рѣчи. Эта рѣчь, безстрастная гдѣ нужно и спокойная, мѣстами нервная и часто и умѣло пересыпанная ироніей, рѣчь, отливавшая особымъ лишь ей свойственнымъ блескомъ, насъ опьяняла. Всѣ детали нашей древне-русской жизни—географическое положеніе, этнографическій составъ, обычаи, религія, юридическія отношенія, государственный порядокъ и внѣшняя политика—слагались передъ нами въ одну общую картину съ поразительнымъ колоритомъ, свѣтотѣнью и распредѣленіемъ главныхъ фигуръ на первомъ планѣ,—и, наивные, мы думали, какъ хорошо было бы придти профессору на помощь нашей работой и съ энтузіазмомъ начинали сами рыться въ лѣтописяхъ, актахъ и старыхъ книгахъ. Исторію древней русской литературы читалъ намъ Н. С. Тихонравовъ. Сподобиться увидать Тихонравова на каѳедрѣ было не такъ легко; онъ появлялся на ней неожиданно, послѣ довольно долгихъ промежутковъ; но когда бы онъ ни приходилъ, аудиторія была полна и ждала его, хотя бы ей приходилось ждать его по мѣсяцу. Тихонравовъ цѣнилъ это вниманіе и умѣлъ вознаграждать насъ за наше терпѣніе. И онъ принадлежалъ къ числу лицъ, которымъ дана власть воскрешать мертвыхъ. Въ его рукахъ всѣ эти протертые пергаменты, которые онъ нерѣдко при-

носилъ съ собою, становились живой плотью, и на лекціяхъ его достигалась полная иллюзія: онъ такъ умѣлъ спрятать свою собственную личность за тѣмъ памятникомъ, который комментировалъ, что мы сами становились какъ бы участниками тѣхъ событій, о которыхъ этотъ памятникъ разсказывалъ и раздѣляли то міровоззрѣніе, которое вычитывалъ для насъ профессоръ изъ совершенно неудобочитаемыхъ рукописей. Его притягательной силы хватило на то, чтобы засадить насъ за разные люцидаріи, физіологи, азбуковники, гадательныя книги и пчелы, и мы, предоставленные собственнымъ силамъ, съ невѣроятнымъ трудомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу о непонятныя слова и намеки, ломились сквозь эти дебри древнерусской мысли и языка, и этотъ трудъ не утомлялъ, а бодрилъ насъ. Большой интересъ вызывалъ въ насъ также и В. Ѳ. Миллеръ, который намъ читалъ самую древнѣйшую исторію Востока и исторію открытія и интерпретаціи клинообразныхъ надписей. Лекціи были очень живо сказаны, очень содержательны и подкупали насъ своей новизной. Василій Петровичъ питалъ къ нимъ особенную нѣжность. Даже классики, эти безъ вины виноватые, которые въ университетѣ расплачиваются за первородный грѣхъ гимназическихъ учителей или вѣрнѣе гимназическаго устава, даже они нашли въ насъ ревностныхъ слушателей, опять-таки потому, что были люди большого ума и таланта. Съ Г. А. Ивановымъ мы охотно вникали въ тонкости стилистики Цицерона, и съ А. Н. Шварцемъ поправляли англійскихъ комментаторовъ Демосѳена. Ѳ. Е. Коршу полагалось читать древнегреческій языкъ; но онъ повѣрилъ намъ на слово, что мы его знаемъ и лекціи его обратились въ блестящія экскурсіи въ область археологіи, этнографіи и философіи языковѣдѣнія.

Такими профессорами были мы окружены на первомъ же курсѣ. Намъ были такимъ образомъ предложены самыя изысканныя научныя яства, и мы голодные на нихъ накинулись. Кто что успѣвалъ схватить, тотъ то и схватывалъ.. Общіе выводы, которые давали намъ наши профессора, лежали

конечно выше нашей провѣрки, и потому если мы хотѣли идти за нашими учителями, мы, волей-неволей, должны были начать съ частностей. Въ такіе частные, другъ съ другомъ не связанные научные вопросы мы всѣ и закопались.

Василій Петровичъ, который потомъ умѣлъ такъ методично и правильно насыщать свою умную голову всяческими свѣдѣніями, укладывавшимися въ ней въ необычайномъ порядкѣ и всегда связанными прочными нитями его собственной мысли—на первомъ курсѣ вмѣстѣ съ нами совершилъ эту научную экскурсію по всѣмъ отраслямъ знанія, такъ же какъ и мы наивно увѣренный въ томъ, что въ какую бы щель умъ человѣческій ни заползъ, онъ все равно совершаетъ великій актъ священнослуженія наукѣ. По такимъ щелямъ мы всѣ тогда размѣстились; кто потратилъ цѣлую зиму на греческую грамматику Меуер'а, кто детально изслѣдовалъ Девгеніево дѣяніе, кто застрялъ на русскихъ отреченныхъ книгахъ, кто на судьбѣ пелазговъ. Василій Петровичъ и я, мы принялись ревностно за изученіе миѳологіи. Я располагалъ отличной библіотекой моего отца, гдѣ былъ собранъ богатѣйшій матеріалъ по фолклору на всѣхъ языкахъ, и мы читали, читали запоемъ все, что попадало подъ руку.

Василій Петровичъ всегда любилъ образы и краски, любилъ „пахучую“ рѣчь и потому немудрено, что красивая и нарядная наука о народномъ вымыслѣ привлекла къ себѣ сразу его вниманіе. Какъ часто потомъ, когда критическое отношеніе ко всѣмъ вопросамъ духа и жизни приводило его въ тревогу, любилъ онъ возвращаться къ сказкѣ и миѳу, къ преданіямъ и видѣніямъ, но уже не въ ученыхъ книгахъ, а въ музыкѣ Берліоза и Вагнера, въ картинахъ символистовъ, въ романахъ и стихахъ старыхъ и новыхъ романтиковъ. На первомъ курсѣ Василій Петровичъ приступилъ къ изученію миѳологіи не въ интересахъ эстетики, а, конечно, строгой науки; прилежно собиралъ литературу предмета и углубился въ чтеніе книгъ и статей, гдѣ эти живые вымыслы народной фантазіи были хорошо высу-

шены, расчленены на части и каталогизированы. Въ его бумагахъ нашлись многочисленныя выписки изъ прочитанныхъ имъ тогда книгъ, и по нимъ мы можемъ видѣть, что эти экскурсіи въ область фолклора и миѳологіи обошлись ему не дешево. Прочиталъ онъ всего Аѳанасьева, Порфирьева, Буслаева, Ореста Миллера, Тихонравова, Веселовскаго и многихъ другихъ. Всѣ эти прочитанныя книги остались въ дальнѣйшемъ безъ употребленія, такъ какъ научныя симпатіи Василія Петровича быстро и рѣзко измѣнились.

Изъ всѣхъ насъ онъ первый перешелъ отъ работы надъ вопросами частными къ систематическому ознакомленію съ вопросами самаго общаго характера, но на прощаніи со своими недавними занятіями онъ, какъ бы желая показать всѣмъ намъ наглядно, въ какую глушь научныхъ пустынь можно забраться, написалъ самостоятельное изслѣдованіе по египтологіи, сочиненіе, къ которому мы были преисполнены великаго уваженія. Оно касалось вопроса о національности нѣкоихъ гиксовъ, вторгнувшихся въ Египетъ во время правленія XIII-ой и XIV-ой династій. Сочиненіе предназначалось для прочтенія въ одномъ изъ засѣданій научно-литературнаго общества, которое нашъ кружокъ основалъ на второмъ курсѣ университета.

Ничто, я думаю, не говоритъ такъ ясно о самонадѣянной нашей любви къ наукѣ, какъ именно исторія этого общества, умершаго, однако, отъ истощенія силъ черезъ полгода послѣ своего рожденія. Много было хорошихъ сторонъ въ этой затѣѣ, и главная заслуга ея передъ нами была въ миніатюрѣ та же, что и заслуга вавилонскаго столпотворенія передъ человѣчествомъ. Вслѣдствіе смѣшенія языковъ и полнѣйшаго взаимнаго непониманія наше дерзостное предпріятіе рухнуло. А предпріятіе было дерзостное. Я думаю, что такого студенческаго общества, какъ наше, никогда еще не существовало. Обыкновенно когда студенчество складывается въ кружки, оно это дѣлаетъ съ какой-нибудь опредѣленной программой, въ большинствѣ случаевъ ради

самообразованія, для выработки міросозерцанія—какъ принято говорить. Въ такихъ кружкахъ бываютъ свои запѣвалы, свои идолы и фетиши, бываетъ какая-нибудь книга, въ которую вѣруютъ или которую разносятъ; въ нихъ почти всегда царитъ единодержавіе того или другого автора или лица: вотъ почему польза отъ такихъ кружковъ несомнѣнна; плохо ли, хорошо ли, но они полируютъ мысль, которая находится въ постоянномъ треніи съ другими мыслями, вѣрными или нелѣпыми—все равно, по такими, которыя она способна такъ или иначе оцѣнивать. Въ нашемъ кружкѣ никакого единодержавія не было, а царила полная вольница; всѣ мы сразу произвели себя въ генералы отъ науки и начали просвѣщать другъ друга, рѣшая труднѣйшіе и притомъ очень спеціальные научные вопросы. Каждый референтъ угощалъ ближняго результатомъ своихъ „научныхъ“ работъ, для него одного интересныхъ, а другимъ непонятныхъ. Общей мысли, вокругъ которой могли бы сгруппироваться эти работы, не было и спорить поэтому было не о чемъ. Нѣсколько вечеровъ провели мы въ положеніи истукановъ, слушая рефераты на темы о паденіи Цареграда и объ отраженіи сего событія въ русской литературѣ, о родовомъ бытѣ у славянъ, объ учрежденіи Ареопага въ Аѳинахъ, о подлинности законодательства Ликурга, о національности гиксовъ и еще о чемъ-то, не помню. Эта забава, которая должна была дать полное удовлетвореніе нашему самолюбію молодыхъ ученыхъ, стоила намъ очень дорого. Цѣлые недѣли и мѣсяцы уходили на приготовленіе этихъ тяжеловѣсныхъ и негодныхъ орудій науки. Взять хотя бы работу Василія Петровича, которая сохранилась въ его бумагахъ. Чего только не читалъ онъ для нея, и Іосифа Флавія, и Моро де Жонесса, и Шампольліона, и Масперо, и Ленормана, и все это, какъ гласятъ выставленные въ концѣ реферата тезисы, для того, чтобы сказать, что доказательства, приводимыя Моро де Жонессомъ въ пользу кельтическаго происхожденія гиксовъ, неосновательны, что гиксы племя не однородное, что по скульптурнымъ памят-

никамъ на почвѣ нижняго Египта судить о національности гиксовъ нельзя и что, наконецъ, народность этихъ массъ пока опредѣлить невозможно. Всѣ эти осторожные и отрицательные выводы очень характерны для Василія Петровича—будущаго скептика.

Общество скоро окончило свое существованіе какъ научное и превратилось въ литературныя бесѣды. Замѣчу кстати, что изъ всѣхъ насъ одному только Василію Петровичу удалось за это время сдѣлать нѣчто безусловно полезное. Онъ перевелъ книгу Дельбрюка „Введеніе въ науку о языкѣ“ для напечатанія въ воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“ Хованскаго.

Василію Петровичу не было еще 17 лѣтъ, когда онъ вошелъ въ кругъ тѣхъ занятій и вопросовъ, отъ которыхъ потомъ не отступалъ до самой смерти. Онъ сталъ заниматься вопросами философіи, психологіи и эстетики. Легко усваивалъ онъ этотъ новый научный матеріалъ и быстро умѣлъ оріентироваться въ этой пока ему еще совсѣмъ неизвѣстной области именно потому, что для этихъ занятій голова его была создана. Мы очень скоро почувствовали на себѣ ясность и силу его мысли. Эта мысль шла такимъ быстрымъ шагомъ, что угоняться за ней намъ было совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что, не слѣдуя его примѣру, мы продолжали копаться все въ тѣхъ же спеціальныхъ вопросахъ какого-нибудь курсового предмета. Нашъ же товарищъ былъ совершенно поглощенъ теоретической постановкой философскихъ проблемъ и изученіемъ исторіи философіи по главнымъ руководствамъ. Охотно дѣлился онъ съ нами своими впечатлѣніями о прочитанныхъ книгахъ, которыхъ мы пока не читали, и мыслями, о которыхъ мы еще тогда не думали. Я не преувеличу, если скажу, что онъ въ это время замѣнялъ намъ общеобразовательную книгу.

Василій Петровичъ былъ, конечно, самъ себѣ обязанъ и интересомъ къ умозрительнымъ наукамъ и тѣми шагами, которые онъ въ нихъ сдѣлалъ. Любовь къ нимъ была просто даромъ природы: онъ родился съ философской головой,

какъ другіе родятся математиками, музыкантами или вообще художниками; что же касается направленія, въ которомъ онъ шелъ, то и здѣсь, какъ я его понимаю, онъ руководствовался собственнымъ чутьемъ, а не указательнымъ перстомъ профессора, хотя все-таки нельзя отрицать того, что первый толчокъ его философская мысль получила на лекціяхъ М. М. Троицкаго—этого послѣдняго защитника умиравшаго позитивизма.

М. М. Троицкій читалъ намъ логику, психологію и затѣмъ исторію философіи. Неоцѣненный преподаватель логики и психологіи, онъ былъ, однако, совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ какъ истолкователь и судья философскихъ системъ въ ихъ общемъ составѣ, т.-е. именно того отдѣла философской науки, которая для студентовъ должна имѣть первенствующее значеніе, какъ способная открыть сразу наиболѣе ширикіе философскіе горизонты. Такіе горизонты на лекціяхъ Троицкаго не открывались, несмотря на чрезвычайно ясную и прозрачную атмосферу, которая насъ на этихъ лекціяхъ окружала. Происходило это оттого, что, во-первыхъ, самъ профессоръ этими общими взглядами, этими краеугольными камнями философскихъ системъ мало интересовался и, во-вторыхъ, оттого, что онъ признавалъ въ мірѣ право на существованіе только за той мыслью, которая для всѣхъ была ясна какъ день, въ которой не было ничего спорнаго, которая была недвижима въ своей непоколебимой истинности и чужда всякаго броженія. Профессоръ, знакомя насъ съ чужими мыслями, стремился приблизить ихъ къ своему идеалу и такъ вываривалъ ихъ и очищалъ въ своей головѣ, что онѣ становились удивительно прозрачны; но все органически живое было въ нихъ убито. Въ своемъ изложеніи философскихъ ученій онъ не оставлялъ ни одной сколько-нибудь сложной мысли, не упростивъ ее до неузнаваемости и такъ утрамбовывалъ для нашей мысли дорогу, что самыя хитрыя системы съ ихъ недосягаемыми вершинами и безднами казались намъ совсѣмъ гладкой плоскостью. Мы бывали въ восторг-

гѣ отъ этой ясности и намъ нравилось пристрастное отношеніе профессора ко всѣмъ ученіямъ, въ которыхъ онъ находилъ или чуялъ метафизическія предпосылки и надъ которыми онъ такъ остроумно издѣвался. Къ тому же Троицкій царилъ тогда надъ нами безъ оппонентовъ: вокругъ насъ не было лицъ, слово которыхъ могло бы оспаривать нашего профессора. Книжки Кавелина о психологіи и этикѣ, обращенныя прямо къ намъ, т. е. къ молодежи, были для насъ очень трудны въ виду крайне отвлеченной постановки тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ мы желали всего больше ясности. Имя Карпискаго до насъ не долетало въ тѣ годы; о Гротѣ, который потомъ появился въ Московскомъ университетѣ, мы еще почти ничего не слыхали, да и его самого въ то время не хватилъ еще тотъ coup de grâce, послѣ котораго онъ возсталъ метафизикомъ. Ближе къ намъ стоялъ В. С. Соловьевъ, тогда еще молодой авторъ двухъ диссертацій, которыми открывается новая эра русскаго философскаго идеализма. Эти диссертаціи прошли однако какъ-то мимо насъ, и первая книга Владиміра Сергѣевича, которая попала къ намъ въ руки, были его „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“. Они поразили насъ своимъ мистико-религіознымъ туманомъ, и мы были тогда настолько самоувѣрены и юны, что не хотѣли признать за такимъ туманомъ законнаго права на существованіе въ жизни. Итакъ, возраженій тому позитивизму, который намъ говорилъ съ кеѳедры, мы не слыхали. Добавлю, наконецъ, что направленіе, котораго придерживался Троицкій, находило себѣ большую поддержку въ недавнемъ прошломъ и въ современномъ намъ теченіи русской общественной мысли. Въ годы нашего студенчества традиціи 60-тыхъ и въ особенности 70-тыхъ годовъ были въ полной силѣ. Ихъ поддерживала публицистика, ряды которой тогда еще не порѣдѣли. Изъ гимназіи мы вышли съ хорошимъ знаніемъ беллетристики и критики 60-тыхъ годовъ и съ кое какимъ чтеніемъ переводной ученой литературы, въ которой имена Дарвина, Спенсера, Льюиса, Милля и Конта попадались намъ очень часто. Читали

мы эти книжки конечно бѣгло и не систематично, но все-таки у насъ образовался нѣкоторый запасъ стереотипныхъ философскихъ понятій, которыя мы и пускали въ ходъ, когда какой-нибудь общій вопросъ начиналъ насъ тревожить. Эта маленькая философская аптечка, въ которой были собраны всѣ, какъ намъ казалось, необходимыя снадобья, чтобы держать наши головы въ подобающемъ гигіеническомъ состояніи, была очень незамысловата. Всего какимъ-нибудь десяткомъ категорическихъ сужденій ограждали мы нашъ умъ отъ разныхъ искушеній мысли. Всѣ вопросы трансцендентные мы просто признавали праздными и всякую „метафизику" (слово, смыслъ котораго былъ для насъ темень) мы какъ-то пассивно не любили. Такая самовольная расправа со многими основными вопросами жизни могла бы быть уравновѣшена въ насъ иными интересами, которые были также завѣщаны намъ нашимъ недавнимъ прошлымъ. Я говорю объ интересахъ общественно политическихъ. Но къ этой благотворной и вѣчной сторонѣ движенія 60-тыхъ годовъ,—сторонѣ, которая съ лихвой покрываетъ всѣ ея теоретическія (и замѣтимъ кстати, невольныя) ошибки, мы оставались тогда какъ-то равнодушны, не идя дальше благопристойно-либеральной морали, въ которой было больше эгоизма, чѣмъ альтруизма.

Василій Петровичъ, какъ показываютъ уцѣлѣвшія его гимназическія сочиненія, вынесъ изъ школы также хорошее знакомство съ публицистикой 60-тыхъ годовъ; но и онъ, и пожалуй больше, чѣмъ его товарищи, остался равнодушенъ къ ея общественнымъ тенденціямъ. Къ ея же философскимъ принципамъ онъ вернулся на третьемъ курсѣ, чтобы начать подробный ихъ пересмотръ.

Частью подъ вліяніемъ Троицкаго, частью подъ впечатлѣніемъ недавняго чтенія, онъ обратился къ непосредственному знакомству съ позитивной философіей. Такъ какъ Василій Петровичъ тогда предложилъ мнѣ заниматься по его программѣ, убѣждая меня не отдавать всего моего времени на рѣшеніе вопроса о заселеніи Мореи Турками, во-

проса, который я тогда принималъ очень близко къ сердцу, то я могу теперь съ приблизительной точностью возстановить эту программу. Нашъ товарищъ поставилъ себя цѣлью изучить по главнѣйшимъ оригинальнымъ памятникамъ все движеніе позитивной мысли, начиная съ Бэкона. Бэконъ былъ изученъ въ подлинникѣ по Fowler'овымъ комментаріямъ; прочитанъ былъ Локкъ и всего больше времени было отдано на чтеніе Юма, Essays котораго Василій Петровичъ даже началъ переводить и для которыхъ мы съ нимъ уже подыскивали издателя. Затѣмъ слѣдовало изученіе очень подробное почти всѣхъ сочиненій Льюиса, Милля всѣхъ томовъ Спенсера, кромѣ „Основъ Біологіи". Одновременно читались послѣдніе тома курса позитивной философіи Конта и въ заключеніе книга Ланге, которая, кажется, сразу отбила у моего товарища охоту читать самихъ матеріалистовъ. Выполненію этой широкой программы Василій Петровичъ посвятилъ два оставшіеся года своей университетской жизни.

Несмотря на всѣ эти занятія, которыя очевидно свидѣтельствовали о томъ, что извѣстное философское міросозерцаніе Василію Петровичу нравилось, я все-таки, припоминая наши тогдашніе разговоры съ нимъ, не могу даже для того времени назвать его убѣжденнымъ сторонникомъ позитивизма. Ему импонировала безспорно логичность и простота мысли этихъ поклонниковъ и пропагандистовъ „оскорбительной ясности" въ философіи; онъ любилъ иногда повторять и развивать ту или другую прочитанную имъ страницу, направленную противъ разныхъ метафизическихъ фантомовъ, уснащивая доводы автора своими собственными шутками и остротами. Онъ учился у этихъ людей логикѣ и критикѣ, но отнюдь не догмѣ и былъ всегда самодоволенъ и радъ, когда могъ ихъ побить ихъ же оружіемъ. Когда онъ попадалъ въ ихъ ученіи на какое-нибудь догматическое положеніе или выводъ, которые становились въ прямое или скрытое противорѣчіе съ требованіями строгой эмпиріи и „опытнаго метода", онъ бывалъ

отмѣнно доволенъ, какъ будто поймалъ подозрѣваемаго имъ человѣка съ поличнымъ.

Я помню, какъ непріятно меня поражало такое неуважительное и, какъ мнѣ казалось, полное самомнѣнія отношеніе ученика къ учителямъ; я видѣлъ извѣстное оригиничанье и бравурство въ этомъ желаніи моего товарища непремѣнно не согласиться съ читаемымъ, не подозрѣвая тогда, что въ этомъ желаніи онъ былъ не воленъ. Я думалъ, что онъ играетъ въ красивую игру скептика; но это была не игра, а сама натура. И позднѣе, когда онъ изучалъ философскія системы діаметрально противоположныя позитивизму, онъ обнаружилъ то же недовѣріе, то же нежеланіе отдать себя въ плѣнъ какому бы то ни было ученію.

Во всѣхъ вопросахъ, гдѣ разумъ является единоличнымъ судьей, Василій Петровичъ былъ скептикъ, неисправимый скептикъ, и этотъ скептицизмъ бывалъ для него иногда источникомъ сильной душевной тревоги; онъ его преждевременно старилъ, понижалъ въ немъ творческую способность и предрасполагалъ къ пессимизму. Тѣ, кто зналъ Василія Петровича еще совсѣмъ молодымъ, еще въ тѣ годы, когда жизнь его не помяла, могутъ припомнить, какъ склоненъ былъ онъ выдвигать печальную сторону жизни въ ущербъ радостной и какъ много иронiи и сарказма бывало въ его рѣчахъ и вообще въ его взглядахъ. Одно это ироническое отношеніе къ самымъ серьезнымъ вопросамъ жизни показываетъ какъ мало самоувѣренности и убѣжденности пріобрѣлъ онъ въ своихъ тогдашнихъ философскихъ занятіяхъ позитивизмомъ. Онъ чувствовалъ свое безсиліе дать какой-либо положительный или отрицательный отвѣтъ на многіе коренные вопросы и потому минутами вознаграждалъ себя за это безсиліе ироническимъ къ нимъ отношеніемъ. Онъ иронизировалъ, а не отшучивался, такъ какъ всегда его иронія проникала въ глубь вопроса, а не скользила по его поверхности. Ему доставляло мучительное наслажденіе выворотить иногда на изнанку всю ткань чужихъ или своихъ собственныхъ мыслей, вотъ почему онъ такъ любилъ Гейне,

этого съ отчаянія смѣющагося человѣка и вотъ почему въ другія минуты онъ любилъ и Паскаля, этого съ отчаянія вѣрующаго.

Скептикъ отъ рожденія, Василій Петровичъ упорно разыскивалъ своихъ родственниковъ по духу во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. Сочиненія Бейля, Монтеня, Юма, Вольтера, Ларошфуко занимали въ его библіотекѣ цѣлую полку, надъ которой мы шутя хотѣли выставить черную доску съ надписью „venena". Своего рода разыскиваніемъ отдаленнаго предка была и цѣлая историко-философская работа, которую предпринялъ покойный на третьемъ курсѣ, думая воспользоваться ею для кандидатской диссертаціи. Онъ занялся вопросомъ о генезисѣ и развитіи скептической философіи въ древности и главнымъ образомъ сочиненіями Секста Эмпирика. Приготовленія для этой работы были сдѣланы большія, литература вопроса была тщательно подобрана; но прочитавъ ее всю, Василій Петровичъ увидалъ, что подъ какого-то нѣмца, который всю свою жизнь убилъ на Секста, не подкопаешься и потому работу бросилъ; онъ самъ не любилъ повторяться, не любилъ и повторять другихъ. Вмѣсто этой темы для кандидатской диссертаціи была выбрана другая. Это была работа уже не историческая, а чисто критическая. Она касалась конечнаго вопроса о реальности нашего знанія, поставленнаго Спенсеромъ въ VII-й части его Психологіи. Этой диссертаціи я не читалъ, и она кажется исчезла изъ университетскаго архива; но отзывъ проф. Троицкаго, которому она была подана, показываетъ, что Василій Петровичъ остался себѣ и въ данномъ случаѣ вѣренъ. „Послѣ весьма тонкой оцѣнки ученія Спенсера,—говоритъ профессоръ въ своемъ отзывѣ,—авторъ приходитъ къ выводу, что конечный вопросъ поставленъ Спенсеромъ неясно и что эта неясность дѣлаетъ невозможнымъ и самое рѣшеніе вопроса. Обращая особенное вниманіе на полемику Спенсера по данному вопросу съ Беркли, Юмомъ и Кантомъ, г. Преображенскій, не защищая вѣрности ученія этихъ мыслителей, старается освободить послѣднія отъ упре-

ковъ въ непослѣдовательности и нелѣпости, которыми ихъ осыпаетъ Спенсеръ".

Оба вывода свидѣтельствуютъ такимъ образомъ о томъ, что молодой философъ, какъ судья ученаго спора, признанъ обѣ стороны виноватыми.

За эту работу Василій Петровичъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.

Студенческіе годы для него кончились. Что же въ итогѣ дало ему это время? Для философскаго образованія было сдѣлано много, хотя и въ одномъ направленіи. Изучена была цѣлая стадія, черезъ которую прошла философская мысль въ Европѣ. На этихъ позитивныхъ ученіяхъ, въ которыхъ такъ блистали трезвыя, хотя и односложныя мысли, была изощрена способность трезво и ясно мыслить. Былъ сдѣланъ широкій запасъ всевозможныхъ знаній изъ всѣхъ областей вѣдѣнія, знаній, которыя эти ученія привлекали въ доказательство своихъ выводовъ, начиная съ физіологіи и біологіи, кончая политической экономіей и соціологіей. Опасности запутаться въ сѣтяхъ чистыхъ отвлеченностей болѣе не существовало, но не существовало также и основныхъ началъ, на которыхъ можно было бы построить единое и связное міровоззрѣніе. Скептикъ продолжалъ преобладать въ Василіи Петровичѣ надъ догматикомъ, и тягота этой скептической мысли давала себя чувствовать. Ему, стоящему лицомъ къ лицу всегда съ великими загадками жизни, было куда труднѣе, чѣмъ другимъ его товарищамъ, головы которыхъ были заняты вопросами чисто спеціальными.

Не знаю до какой высокой степени взвинтилъ бы этотъ скептицизмъ его ироническое отношеніе къ жизни, если бы не существовало одной области духовныхъ интересовъ, которымъ онъ отдавался совсѣмъ, какъ влюбленный отдается своей страсти. Къ философскимъ вопросамъ его отношеніе было совсѣмъ не страстное; онъ относился къ нимъ слишкомъ разсудочно, съ излишкомъ недовѣрія, безъ достаточной нѣжности. Въ Василіи Петровичѣ, какъ въ философѣ,

всегда чувствовался не увлеченный человѣкъ, а опекунъ весьма осторожный. Отъ этой суровой недовѣрчивости онъ освобождался и непосредственному чувству позволялъ овладѣвать собой только тогда, когда входилъ въ сферу интересовъ чисто художественныхъ, когда сталкивался съ міромъ искусства, въ которомъ острый умъ есть всегда желанный придатокъ, но отнюдь не главный рычагъ, приводящій въ движеніе духовную силу человѣка.

Нашъ товарищъ былъ очень чуткій эстетикъ и любилъ забываться въ художественномъ наслажденіи. Искусство какъ-то разобщало его съ внѣшней жизнью и, сколько я могъ замѣтить, онъ на такое разобщеніе не жаловался и даже любилъ его. Чѣмъ романтичнѣе было искусство, чѣмъ произвольнѣе обращалось оно съ матеріаломъ, который ему даетъ жизнь, тѣмъ болѣе оно ему нравилось; онъ не любилъ, чтобы искусство покрывалось всецѣло жизнью; онъ отыскивалъ въ немъ чего-то надъ или рядомъ съ жизнью стоящаго. Реализмъ и натурализмъ онъ цѣнилъ, но только въ самыхъ геніальныхъ созданіяхъ Флобера, Мопассана, Гауптмана, Достоевскаго или Толстого. Къ Золя онъ относился очень сдержанно; но сказка Гофмана оставалась всегда его любимымъ чтеніемъ. Онъ былъ въ душѣ неисправимый романтикъ, и этотъ романтизмъ сердца независимо отъ скептицизма ума понижалъ въ его глазахъ стоимость многихъ житейскихъ вопросовъ, очень важныхъ и серьезныхъ.

Въ данномъ случаѣ Василій Петровичъ не составлялъ среди насъ исключенія. Всѣ мы, когда были студентами, цѣнили искусство значительно выше жизни и любили его какъ тихую и счастливую пристань, гдѣ мы могли отдохнуть отъ неиспытанныхъ страданій, неизвѣданныхъ страстей и вопросовъ, которые насъ не тревожили. Такой чрезмѣрный культъ романтическаго искусства былъ отчасти слѣдствіемъ того затишья въ студенческой жизни, какое наступило въ началѣ 80-хъ годовъ. Это было тяжелое время страховъ, подозрѣній и строгостей. Студенческая жизнь, въ концѣ 70-хъ годовъ столь шумная, плелась какъ-то вяло въ то четырехлѣтіе (1881—1885),

которое мы провели въ университетѣ. Конечно, внѣ университета, въ частныхъ студенческихъ кружкахъ, тамъ были свои общественные широкіе интересы; но въ стѣнахъ университета эти движенія не отражались; а такъ какъ тѣ кружки были очень замкнутые и притомъ въ то время крайне на сторожѣ, то мы и не имѣли случая соприкасаться съ ними, тѣмъ болѣе, что сами этого случая не искали.

Когда къ концу университетской жизни мы стали нѣсколько поправляться отъ ученаго маразма, въ который впали, и когда явилась потребность взглянуть на жизнь съ болѣе широкой точки зрѣнія, то міръ искусства оказался единственнымъ, который на первыхъ порахъ вполнѣ удовлетворилъ насъ. Ревностно принялись мы за изученіе памятниковъ иностранной словесности подъ руководствомъ нашего же товарища Г. А. Рачинскаго и тогда уже обладавшаго широкимъ литературнымъ образованіемъ. Я говорю „памятниковъ“, потому что мы читали почти исключительно авторовъ прежнихъ поколѣній, преимущественно французскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ. Нашъ менторъ, ярый проповѣдникъ „искусства для искусства“ и самъ романтикъ по духу, укрѣпилъ насъ въ нашей любви къ романтикѣ и вообще къ идеализму въ искусствѣ и скоро рядомъ съ нашей наукой, вопреки нашему предубѣжденію противъ всего сверхчувственнаго и фантастическаго, возникъ поэтическій міръ видѣній, созданный фантазіей Гюго, Готье, Мюссе, Виньи, Байрона, Шелли, Гете, Шиллера, Гофманна, Тика, Гейне и другихъ. Гете мы тогда больше увлекались, чѣмъ Шиллеромъ, Buch der Lieder знали наизусть, а изъ отечественныхъ поэтовъ, кромѣ прежнихъ, предпочитали другимъ Фета, Майкова и Алексѣя Толстого. Василій Петровичъ дѣлилъ тогда съ нами эти вкусы и сильнѣе, чѣмъ кто-либо изъ насъ, полюбилъ романтическія высоты, чтобы никогда уже болѣе не разлюбить ихъ. Онъ позволялъ себѣ правда въ иныя злыя мгновенія, по примѣру своего любимца Гейне, безпощадно иронизировать надъ своими богами, но лишь затѣмъ, чтобы въ первую минуту тоски или тре-

воги начать вновь убирать ихъ алтари цвѣтами. Въ моментъ, когда критическая работа мысли умолкала, въ его голову толпой врывались всякія εἴδωλα, всякіе романтическіе фантомы, которые, глумясь надъ категоріями пространства и времени, созидали въ ней свой призрачный міръ; и Василій Петровичъ любилъ эту игру фантазіи, любилъ какъ игру, которая удовлетворяла его эстетическое чувство, и именно эстетическое, а не какое-нибудь иное.

Этотъ эстетизмъ съ своей стороны нерѣдко усиливалъ въ немъ его и безъ того большую склонность къ пессимистической оцѣнкѣ явленій жизни. Понятно, что, ощущая на себѣ болѣзненную силу такого печальнаго взгляда на міръ, Василій Петровичъ дорожилъ всякимъ случаемъ, чтобы умиротворить его художественными впечатлѣніями или парализовать его въ себѣ какими-нибудь средствами. Въ поискахъ за такими средствами и впечатлѣніями онъ доходилъ иногда до того, что по рецепту Боделэра готовъ былъ создавать для себя „искусственный рай“ тѣми же способами, къ какимъ прибѣгалъ этотъ несчастный эстетикъ.

Но къ такимъ наркотическимъ средствамъ можно было и не прибѣгать. Москва помимо нихъ представляла въ то время рѣдкое сочетаніе соблазновъ для любителя искусства, и на эти соблазны мы всѣ были очень падки. И прежде всего театръ. Его исторію узнали мы на лекціяхъ нашего профессора Н. И. Стороженки, большого театрала, который въ своихъ чтеніяхъ давалъ намъ не только историческую картину развитія театра, но и знакомилъ насъ съ пріемами эстетической критики. Мы были такимъ образомъ подготовлены къ тому, что мы видѣли на сценѣ нашего Малаго театра, гдѣ мы бывали чуть ли не семь разъ въ недѣлю. На этихъ подмосткахъ передъ нами проходила вся „Легенда вѣковъ“, созданная великими художниками и истолкованная лучшими талантами. Классическій репертуаръ преобладалъ въ то время надъ современнымъ, и театръ, въ особенности московскій, не превращался въ хронику семейныхъ будничныхъ непріятностей и скандаловъ. Мы смотрѣли на тра-

геніи Шекспира, Лопе де-Вега, Кальдерона, Гете, Шиллера, Гюго, Грильпарцера и передъ нами воскресала вся мировая жизнь, преображенная и просвѣтленная. Театръ пріучалъ насъ съ высоты смотрѣть на эту жизнь, очищая и подавляя наши страсти, и если какая страсть тогда была въ нашемъ сердцѣ, она была такъ невинна и такъ поэтична, и предметомъ ея былъ трагическій паѳосъ, воплощенный въ лицѣ Маріи Николаевны Ермоловой. Онъ, этотъ паѳосъ, или вѣрнѣе она была предметомъ нашего поклоненія и спасибо ей за то, что ея устами всегда говорила самая возвышенная мораль, и личная, и общественная, о которой мы тогда такъ мало думали. Пріѣзжали и иностранные гости, и это былъ для насъ великій праздникъ, веселіе котораго раздѣляли и наши профессора. Ихъ обступали мы въ узкихъ коридорахъ какого-нибудь невзрачнаго театра, и эти бесѣды, веденныя запросто съ П. Г. Виноградовымъ, В. И. Герье, А. Н. Веселовскимъ и Н. И. Стороженкомъ,—бесѣды, въ которыя иногда какъ вихрь врывался со своимъ юношески восторженнымъ словомъ незабвенный С. А. Юрьевъ, бывали прекраснымъ комментаріемъ къ тому, что творилось на сценѣ. А творилось на ней дѣйствительно таинство искусства и жрецами его были Поссартъ, Барнай, Росси, Сальвини, всѣ эти Dei gratia таны Гламисскіе и Кавдорскіе, короли англійскіе, шотландскіе, испанскіе, наслѣдные принцы датскіе, и прочая и прочая. Много было испытано минутъ великаго и высокаго наслажденія. Музыка шла на смѣну театра. Тотъ, кто помнитъ музыкальную Москву 80-тыхъ годовъ съ концертами всѣхъ знаменитостей міра, съ частыми пріѣздами Антона Рубинштейна, съ симфоническимъ оркестромъ, который говорилъ, пѣлъ и живописалъ подъ палочкой Эрдмансдерфера, тотъ самъ знаетъ, какъ можно было промѣнять міръ дѣйствительности на міръ звуковъ.

Василій Петровичъ страстно любилъ музыку. Самъ онъ игралъ недурно и немало потратилъ времени на изученіе теоріи музыки и ея исторіи... и если чѣмъ можно было

обезоружить этого спорщика и парализовать его натискъ сразу—такъ это какой-нибудь музыкальной фразой, случайно или нарочно взятой на рояли; какъ бы онъ взволнованъ и возбужденъ ни былъ, онъ замолкалъ и начиналъ прислушиваться.

О внѣшнихъ условіяхъ жизни моего товарища за это время мнѣ приходится сказать немного. Жилъ онъ очень скромно, сначала въ домѣ своего отца, извѣстнаго ученаго протоіерея церкви св. Оедора Студита, потомъ, послѣ ссоры съ отцомъ, жилъ одинъ. Матеріальное положеніе было совсѣмъ не блестящее. Давалъ онъ частные уроки, и заработанные гроши уплывали очень быстро на книги и билеты въ театры и концерты. Однообразно текла его жизнь. Университетъ, товарищескій кругъ, вечернія развлеченія, два три знакомыхъ дома дѣлили попеременно всѣ его часы, кромѣ тѣхъ, которые онъ проводилъ за книгой. Къ концу университетскихъ лѣтъ и въ непосредственно за ними слѣдовавшіе годы въ этой жизни произошли, однако, значительныя перемѣны. Кругъ знакомыхъ расширился. Чтобы имѣть болѣе постоянный заработокъ, чѣмъ тотъ, который ему давали уроки, Василій Петровичъ взялъ на себя корректорскій трудъ „Юридическаго Вѣстника“, и эта работа ввела его въ новую область знанія и сблизила съ цѣлымъ рядомъ умственно сильныхъ людей, которые входили въ составъ Юридическаго Общества. Онъ самъ былъ скоро избранъ въ дѣйствительные члены этого общества, часто посѣщалъ засѣданія, и бесѣда съ книгами, которыя говорятъ, но не отвѣчаютъ, дополнялась для него теперь бесѣдой съ живыми умами, отъ частаго соприкосновенія съ которыми его умъ сталъ пріобрѣтать особую многогранную шлифовку. Въ это же приблизительно время былъ онъ приглашенъ въ сотрудники „Русской Мысли“ по библіографическому отдѣлу и встрѣча съ новымъ контингентомъ лицъ, весьма разнообразныхъ, была опять умственнымъ пріобрѣтеніемъ. Наконецъ, въ Москвѣ стали поговаривать объ основаніи Философскаго общества. За выполненіе этого плана

взялись ревностно Троицкій и пріѣхавшій тогда въ Москву Гротъ и когда это общество сформировалось, то оно соединило въ себѣ все, что было въ Москвѣ выдающагося по уму и таланту. Философы-спеціалисты, историки, словесники, юристы, медики, математики, естественники, публицисты и художники—всѣ вошли въ широко открытыя двери этого общества, о которомъ на первыхъ порахъ говорила вся Москва и которое, въ свою очередь, за всю Москву говорило. Василій Петровичъ вошелъ однимъ изъ первыхъ въ число членовъ этого общества, чтобы скоро занять въ немъ мѣсто члена совѣта и редактора издаваемаго при обществѣ философскаго журнала. Онъ нашелъ, наконецъ, то дѣло, которое, повидимому, его удовлетворяло. Среди новыхъ товарищей онъ сразу занялъ вполнѣ независимое положеніе, несмотря на свои юные годы; и онъ работалъ, работалъ упорно и успѣшно и могъ осязать плоды этой работы. Такимъ первымъ зрѣлымъ плодомъ самостоятельной мысли было написанное имъ тогда разсужденіе на тему о теоріи познанія у Шопенгауэра.

Я произнесъ имя того философа, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ если не учителемъ, то самымъ любимымъ собесѣдникомъ моего товарища.

Къ Шопенгауэру Василій Петровичъ подошелъ не прямо, какъ подходятъ иногда любители, увѣренные, что въ книжной лавкѣ можно купить себѣ любое міросозерцаніе. Онъ шелъ къ нему путемъ долгимъ и труднымъ.

Оставленный при университетѣ по каѳедрѣ философіи, онъ запасся программой къ магистерскому экзамену. Въ числѣ тѣхъ вопросовъ, съ которыми надлежало ознакомиться, была, конечно, исторія древнегреческой философіи, которую надлежало изучить документально, въ подлинникахъ. Василій Петровичъ изучалъ ее въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, и не было ни одного болѣе или менѣе извѣстнаго сочиненія по Платону и въ особенности по Аристотелю, которое бы не нашлось въ его библіотекѣ и не было испещрено его отмѣтками. Въ программу входилъ также и въ

большой дозѣ Кантъ, къ детальному изученію котораго въ университетѣ Василій Петровичъ еще не приступалъ; входило, наконецъ, и изученіе Декарта, Спинозы и Лейбница. О томъ, какъ сознательно и умѣло работалъ нашъ товарищъ надъ этой программой, говорятъ написанныя имъ въ то время критическія статьи и изданныя подъ его редакціей книги.

Едва ли я ошибусь, однако, если скажу, что во всѣхъ изучаемыхъ имъ системахъ самое дорогое для него была ихъ архитектоника, искусство съ какимъ онѣ были построены. Нельзя отрицать, что движенія и извороты человѣческой мысли могутъ представлять совсѣмъ самостоятельный интересъ, помимо потребности признать эти мысли правыми или ихъ отвергнуть; и я думаю, что именно таково было отношеніе Василія Петровича ко всѣмъ метафизическимъ ученіямъ, да и къ отдѣльнымъ сужденіямъ многихъ лицъ о разныхъ вопросахъ, тѣмъ самымъ сужденіямъ, которыя ему, какъ редактору, приходилось размѣщать на страницахъ философскаго журнала. Я знаю навѣрное, что со многими статьями, напечатанными въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, онъ былъ совершенно не согласенъ, что не мѣшало ему восхищаться ими, какъ созданіями человѣческаго ума. Такъ было съ нѣкоторыми статьями В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина и другихъ.

Мысль въ трагической борьбѣ съ тайнами жизни, усилія этой мысли, ея напряженіе, ея полетъ и, наконецъ, проникновеніе въ область вѣчной неизвѣстности, вѣчнаго невѣдѣнія и мрака, куда она вноситъ свой собственный свѣтъ,—вотъ то зрѣлище, которое Василій Петровичъ любилъ созерцать въ исторіи человѣческаго мышленія. Если бы его спросили, существуютъ ли тѣ міры, которые этой мыслью созданы, имѣютъ ли всѣ эти идеи какое-либо бытіе, помимо предполагаемаго, я думаю, онъ отвѣтилъ бы ни „нѣтъ“, ни „да“, а „не знаю“. Ясно ему было только одно, что мысль человѣческая, какъ и фантазія, обладаетъ удивительнымъ даромъ творчества, что она—художникъ и что

созерцаніе этого творчества есть великое духовное наслажденіе, которое, замѣчу кстати, отнюдь не упраздняетъ чувства неудовлетворенности и тяготы, испытываемыхъ каждымъ человѣкомъ передъ вопросомъ, на который у него нѣтъ опредѣленнаго отвѣта.

Изъ всѣхъ этихъ системъ и ученій, съ которыми теперь пришлось Василію Петровичу знакомиться подробно, онъ сдѣлалъ самую долгую стоянку на ученіи Канта. Иначе и быть не могло, такъ какъ въ сочиненіяхъ этого философа рѣшались вопросы, наиболѣе тревожившіе нашего скептика.

За отсутствіемъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ, мнѣ трудно опредѣлить, въ какой степени нашъ товарищъ можетъ быть названъ кантіанцемъ; но несомнѣнно, что ученіе Канта оказало сильное вліяніе на направленіе его мысли въ области вопросовъ нравственныхъ.

Ученіе это, какъ извѣстно, отводило человѣку необычайно активную роль въ окружающей его жизни. Всѣ представленія человѣка и всѣ его понятія имѣли своимъ источникомъ его самого и ему же должна была принадлежать и инициатива всѣхъ его поступковъ. Отъ бесѣды съ Кантомъ человѣкъ выросталъ въ своихъ собственныхъ глазахъ именно какъ *активная* сила, не подавленная и не приниженная другой силой, внѣ или рядомъ съ нимъ стоящей.

Василій Петровичъ при своемъ созерцательномъ умѣ, нѣсколько пассивной натурѣ и чрезмѣрно развитомъ эстетическомъ чувствѣ цѣнилъ до сихъ поръ недостаточно высоко это волевое начало въ жизни. Кантъ былъ первымъ, который въ своемъ ученіи о морали, въ своихъ полемическихъ брошюрахъ по разнымъ общественнымъ вопросамъ заставилъ нашего эстетика и созерцателя подумать о томъ, чѣмъ должна быть воля въ жизни, но все-таки не за Кантомъ послѣдовалъ Василій Петровичъ на первыхъ порахъ въ своихъ этическихъ взглядахъ. Въ вопросѣ о томъ, каково должно быть его отношеніе къ внѣшнему міру не какъ къ объекту знанія или предмету для эстетическаго созерцанія,

а какъ къ явленіямъ, требующимъ оцѣнки нравственной, онъ избралъ себѣ въ руководители Шопенгауэра.

Въ системѣ Шопенгауэра крылись для него дѣйствительно наибольшіе соблазны, и привлекла она его къ себѣ, конечно, не своими метафизическими предпосылками.

Что касается основного положенія системы Шопенгауэра, его ученія о волѣ, то, думается мнѣ, это ученіе убѣждало покойнаго не больше и не меньше, чѣмъ всѣ иныя рѣшенія конечныхъ вопросовъ. Но для нашего скептика и эстетика прелесть системы заключалась не въ этомъ. Отсутствіе непонятно-абструзнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ полнота глубокомыслія и широта взгляда безъ особенно замѣтной натяжки объясняющая всѣ явленія жизни,—дѣлали эту систему очень привлекательной для ума, любящаго ясность. Общее художественное ея построеніе и художественное выполненіе деталей, этихъ блестящихъ экскурсій въ область познаваемаго, равно какъ и непознаваемаго, придавали системѣ красоту настоящаго произведенія искусства, не говоря уже о томъ, какой тончайшій анализъ самой идеи красоты былъ данъ въ ея эстетикѣ. Помимо всего этого система плѣняла своей основной глубоко-трагической и возвышенной мыслью, своимъ ученіемъ объ иллюзорности явленій жизни и связаннымъ съ ней преклоненіемъ передъ таинственнымъ и безмолвнымъ началомъ, своимъ взглядомъ на жизнь, какъ на сонъ, на наши страсти и аффекты, какъ на проявленіе непроницаемой высшей воли, которая, какъ греческая судьба, творитъ свою расправу надъ міромъ. Особой приманкой этой системы была также ея пантеистическая окраска, придающая столь мягкій колоритъ многимъ самымъ острымъ вопросамъ жизни. Наконецъ, и этическая проблема была поставлена Шопенгауэромъ такъ, что именно его рѣшеніе должно было всего больше нравиться натурамъ, одареннымъ способностью большаго самоуглубленія и не привыкшимъ принимать близко къ сердцу вопросы чисто-житейскіе. Политико-общественная мораль, которой Василій Петровичъ пока еще мало интересовался, была Шопенгауэромъ очень обезцѣнена, низве-

дена на степень одного изъ тѣхъ иллюзорныхъ явленій, погоня за которыми не уменьшаетъ мірового страданія и не обѣщаетъ въ будущемъ прироста счастія. Мораль личная была понята главнымъ образомъ какъ самоусовершенствованіе умственное, возводящее человѣка все выше и выше по ступенямъ созерцанія до буддійскаго идеала спокойнаго созерцателя, одержавшаго полную побѣду надъ всѣми аффектами сердца. Нѣкоторая аристократическая черствость этой морали была смягчена у Шопенгауэра ученіемъ о состраданіи, о невольной симпатіи, которой объединены всѣ люди. Категорическій императивъ Канта, неизвѣстно откуда возникшій, передъ sic volo sic jubeo котораго человѣку свободному нельзя безропотно склониться, являлся у Шопенгауэра смягченнымъ до степени природнаго инстинкта, не повиноваться которому невозможно.

Для практической этики самого Василія Петровича весь вопросъ заключался теперь въ томъ, насколько пассивно онъ отдастся этому инстинкту, не распространяя его дѣйствія за черту, указанную учителемъ, или насколько активно начнетъ онъ развивать его въ себѣ, онъ, который въ это время, какъ я уже замѣтилъ, сталъ цѣнить волевое активное начало въ жизни дороже, чѣмъ цѣнилъ его раньше.

Оставаясь все тѣмъ же эстетикомъ, онъ дѣйствительно переставалъ видѣть смыслъ жизни въ одномъ лишь спокойствіи или въ тревогѣ чистаго созерцанія. Работа ума и эстетическая эмоція, замкнутыя въ своихъ лишь сферахъ, начинали не удовлетворять его и чтобы ощущаемый имъ импульсъ къ дѣйствованію былъ плодотворенъ и могъ быть на что-нибудь направленъ, для этого нужно было рѣшить въ ту или другую сторону рядъ вопросовъ чисто-практическихъ, усвоить себѣ болѣе или менѣе опредѣленные взгляды на общество, среди котораго онъ жилъ, на свои обязанности не какъ мыслителя только, но и какъ дѣятеля. Впитавъ въ себя всю поэзію Шопенгауэровскихъ мыслей, нужно было отступить отъ морали квіэтизма, которая была заключена въ нихъ въ такой большой дозѣ. И Василій Пет-

ровичъ сталъ отступать. Онъ обратился къ изученію практической этики во всѣхъ ея отрасляхъ. Начиная съ сочиненій по антропологіи, этнографіи и естественнымъ наукамъ, въ которыхъ говорилось о зарожденіи этическихъ понятій и нормъ, кончая этиками, гдѣ преимущественно оттѣнялась соціально-политическая сторона современности, всѣ наиболѣе замѣтныя книги были имъ изучены. Скоро вошло въ кругъ его занятій и историческое изученіе самыхъ новѣйшихъ политико-общественныхъ движеній. Я помню, какъ былъ пораженъ, когда послѣ двухъ лѣтъ разлуки, при случаѣ коварно затѣялъ съ нимъ споръ о соціализмѣ, который Василій Петровичъ очень не жаловалъ. Для этого спора я былъ, какъ мнѣ казалось, вооруженъ недурно оружіемъ новаго образца. При спорѣ обнаружилось однако, что оно было старое и что самыя новѣйшія западныя изобрѣтенія въ этой области были уже усвоены моимъ противникомъ. Пусть Василію Петровичу споръ со мной и былъ легокъ, но онъ мнѣ показалъ, что въ группировкѣ интересовъ, которыми жилъ мой товарищъ, произошли важныя перемѣщенія.

Не чувствуя въ себѣ достаточно вѣры, чтобы войти въ лоно какой-нибудь системы идеалистической или позитивной, эстетикъ для себя самого, онъ становился ближе къ людямъ. Онъ сталъ болѣе внимательно присматриваться къ той жизни, которая лежала передъ нимъ какъ осязаемый и безспорный фактъ, движущаяся и созданная усиліями человѣческой воли, безразлично свободна ли эта воля или нѣтъ, и сталъ пріучать себя цѣнить ея явленія съ точки зрѣнія понятія о нравственномъ долгѣ, каково бы ни было его происхожденіе.

Одно событіе, впрочемъ, отдалило его отъ людей на нѣкоторое время: это былъ трагическій исходъ его семейнаго счастія.

Въ 1888 году Василій Петровичъ женился на нашей общей знакомой Анастасіи Алексѣевнѣ Лавровой. Мы всѣ были очень рады за нашего друга. Студенческое его оди-

ночество внушало намъ нѣкоторое опасеніе, такъ какъ мы не безъ основанія думали, что оно только усилитъ въ немъ пессимистическое и ироническое отношеніе къ жизни. Семья должна была вовлечь его въ новыя заботы, нелегкія при его матеріальномъ положеніи; но она могла смягчить, если такъ можно выразиться, его общественный темпераментъ. Намъ очень нравилась его невѣста, именно ея сердечными качествами. И эту Анастасію Алексѣевну, которую мы провожали такъ радостно на тройкахъ въ свадебную поѣдку на станцію Химки, мы снесли два года спустя на нашихъ рукахъ въ могилу. Василію Петровичу было 26 лѣтъ; онъ остался вдовцомъ съ двумя дѣтьми. Говорить о его положеніи нѣтъ нужды, и самъ онъ послѣ этого несчастія какъ-то боялся говорить о женѣ и дѣтяхъ.

Горе иногда ожесточаетъ человѣка, ожесточаетъ его и постоянная мелкая борьба за существованіе. Надо имѣть особую психическую организацію, для того, чтобы удары житейскихъ невзгодъ повышали въ человѣкѣ его способность любовно и снисходительно относиться къ ближнему. Такой всепрощающей души въ нашемъ товарищѣ не было и если онъ для близкихъ лицъ оставался попрежнему любящимъ и на самопожертвованіе готовымъ другомъ, то на жизнь и на людей вообще онъ въ это время сталъ смотрѣть съ нѣкоторой вызывающей строгостью и иногда очень желчные афоризмы пессимиста и даже мизантропа поражали его собесѣдниковъ. Ударъ, который ему нанесла жизнь, онъ одно время ставилъ насчетъ людямъ и, дѣйствительно, представленіе о жизни отъ представленія о людяхъ иногда отдѣлить бываетъ трудно.

Въ эти тяжелые дни своей жизни онъ очень усердно читалъ Гюйо. Сердечныя и гуманныя слова этого идеалиста вновь примирили его съ людьми и наложили на нѣкоторое время свой мягкій отпечатокъ на его мысли.

Больше поэтъ, чѣмъ строгій философъ, послѣдователь эволюціонной теоріи, которую онъ стремился украсить своими поэтическими надеждами и чаяніями своего гуман-

наго сердца, Гюйо имѣлъ на насъ рѣшительное и весьма благотворное вліяніе. Глубокомысленный критикъ утилитарной морали, тогда весьма авторитетной и распространенной, самый убѣжденный и искренній проповѣдникъ общественнаго чувства и альтруизма въ религіи, морали и эстетикѣ, Гюйо напоминалъ своими соціальными утопіями нѣмецкихъ гуманистовъ конца прошлаго столѣтія. Въ его трудахъ мы имѣли предъ собой сочетаніе научнаго и безстрастнаго разсужденія съ самой теплой вѣрой въ высокое назначеніе человѣка и вообще всей міровой жизни.

Тѣ сомнѣнія мысли и сердца, чрезъ которыя прошелъ Гюйо, прежде чѣмъ онъ остановился на понятіи объ „экспансивной“ жизни, на которомъ и построилъ все свое ученіе о морали, эстетикѣ и религіи, были хорошо знакомы Василію Петровичу. И въ немъ, какъ въ Гюйо, боролся позитивистъ и эволюціонистъ съ платоникомъ и кантіанцемъ. Не будучи въ состояніи согласовать эти точки зрѣнія, въ особенности въ области моральныхъ вопросовъ, Василій Петровичъ обрадовался данному у Гюйо рѣшенію, которое, сохраняя за научнымъ методомъ все его значеніе, не навязывало бытію произвольно и извнѣ какой-либо этической цѣли, но показывало, какъ неизбѣжно и просто такая этическая цѣль достигалась путемъ естественнаго развитія и расширенія жизни во всѣхъ ея направленіяхъ. Что особенно нравилось нашему товарищу въ этомъ ученіи, это была попытка построить гуманную мораль „безъ санкціи и принужденія“—попытка освободить волю человѣка отъ всякаго долга и заставить ее самое свободно уберегать себя отъ всякаго эгоистическаго произвола, который есть отрицаніе жизни, какъ ее понималъ Гюйо. Василій Петровичъ на нѣкоторое время принялъ всѣ эти мысли на вѣру.

Гюйо умеръ очень рано, едва успѣвъ высказать все то, что ему—юношѣ—казалось истиной. Своимъ послѣдователямъ онъ оставилъ неблагодарный трудъ — провѣрять его взгляды на явленіяхъ реальной дѣйствительности. Такъ какъ ученіе Гюйо не было плодомъ лишь теоретическихъ вы-

кладокъ и сочетаніемъ однихъ понятій, а ссылалось на научные факты, данные въ опытѣ, то естественно, что сама дѣйствительность должна была говорить за или противъ него. Василій Петровичъ, который, какъ я уже замѣтилъ, началъ тогда детально знакомиться съ реальной сущностью переживаемаго историческаго момента, предпринялъ этотъ трудъ провѣрки и пришелъ къ выводу, что факторы нашей матеріальной и духовной жизни словъ Гюйо не оправдываютъ и что наша религія, мораль и эстетика едва ли такъ непринужденно служатъ на пользу общественнаго чувства.

Ученіе Гюйо стало скоро для него дорогимъ воспоминаніемъ, и его мыслями завладѣлъ Фридрихъ Ницше. Такой крутой поворотъ не былъ неожиданностью.

Трудно было найти человѣка, который имѣлъ бы такъ мало вѣры въ грядущее и былъ такъ слабо предрасположенъ къ разнымъ догадкамъ о будущемъ строѣ нашей жизни, какъ Василій Петровичъ. Его осторожный до нельзя умъ скорѣе готовъ былъ помириться съ безпощадной и безвыходной критикой существующаго, чѣмъ позволить мечтѣ о желаемомъ овладѣть собою. Онъ предпочиталъ лучше совсѣмъ не говорить о дѣйствительности, чѣмъ подгонять подъ свой соціальный идеалъ свое философское міросозерцаніе, какъ это сдѣлалъ Гюйо. И кромѣ этого, когда онъ сталъ пристальнѣе вглядываться въ окружающую жизнь, она слишкомъ непріятно поразила его многими своими сторонами; и въ немъ такъ возмутился моралистъ и эстетикъ, что онъ никакъ не могъ остановиться на томъ примиренномъ и въ концѣ-концовъ оптимистическомъ взглядѣ на міръ и человѣка, который ему на время у Гюйо понравился. Вернуться къ старому—къ чистому созерцанію или исканію эстетическихъ эмоцій — было уже невозможно; увѣренности въ неизбѣжности эволюціи соціальныхъ чувствъ въ человѣчествѣ не было; оставалось одно—при столькихъ сомнѣніяхъ спасти въ себѣ хоть вѣру въ единичнаго исключительнаго человѣка, въ которомъ смѣлость и глубина ума,

свобода чувствъ и сила воли были бы соединены въ одно гармоничное цѣлое. Если нельзя было всему роду обѣщать достиженіе совершенства, то можно было надѣяться, что хоть единичныя особи до него достигнутъ — и Ницше помогъ Василію Петровичу укрѣпить въ себѣ эту надежду.

Въ то время когда Василій Петровичъ писалъ свою статью о нравственномъ ученіи Ницше, имя этого мыслителя было совсѣмъ неизвѣстно русскому читателю. Теперь оно на устахъ у всѣхъ; „ницшеанцевъ" расплодилось у насъ великое множество. Тѣ, которыхъ иногда мутитъ отъ сознанія собственнаго своего нравственнаго ничтожества, тѣ, у кого разгулялись всевозможные аппетиты, иногда очень низменные, всѣ недовольные существующимъ и ищущіе чего-то, въ чемъ сами не даютъ себѣ отчета, всѣ нервно развинченныя натуры съ тяготѣніемъ къ прекрасному, но безъ способности создавать его, тѣ, наконецъ, которымъ вообще сосѣдство ближняго не позволяетъ размахнуться какъ бы имъ хотѣлось,—всѣ теперь вмѣсто того, чтобы называть себя настоящимъ именемъ, предпочитаютъ говорить, что они „ницшеанцы"... Рѣдко имя крупнаго человѣка было такъ опошлено, какъ имя Ницше. Вотъ почему, говоря о Преображенскомъ, какъ о послѣдователѣ Ницше, я очень опасаюсь, какъ бы читатель, не знавшій покойнаго лично, не перенесъ на него невольно нѣкоторыхъ чертъ, которыя онъ могъ подмѣтить у своихъ „ницшеанствующихъ" знакомыхъ. Такое смѣшеніе тѣмъ болѣе возможно, что ученіе нѣмецкаго мыслителя—о которомъ на Западѣ существуетъ цѣлая литература — не нашло себѣ у насъ всесторонняго и справедливаго суда и освѣщенія, соотвѣтствующаго его стоимости. Василій Петровичъ былъ первый, который попытался научно и безпристрастно освѣтить нѣкоторыя стороны этого ученія и въ этой научной строгости заключается все достоинство его статьи, равно какъ и ея историческое значеніе для развитія идей Ницше у насъ въ Россіи. Жаль только, что люди, имѣющіе право голоса въ философскихъ вопросахъ, не послѣдовали въ данномъ случаѣ за Василіемъ Петрови-

чемъ и отдали ученіе Ницше въ полную эксплуатацію дилетантамъ и плохимъ переводчикамъ.

Любовь къ Ницше была у нашего товарища не простой любовью читателя къ писателю, съ которымъ онъ согласенъ въ мысляхъ; въ ней было нѣчто большее — была примѣсь сантиментальности. Единственная поѣздка за границу, которую успѣлъ совершить Василій Петровичъ, была задумана имъ съ цѣлью посѣтить тѣ мѣста, гдѣ проживалъ несчастный мыслитель и въ особенности высоты Энгадина, гдѣ ему приходили въ голову наиболѣе смѣлыя мысли. Это путешествіе было своего рода паломничествомъ.

Ницше не только мыслитель, но прежде всего поэтъ; мысль и образы въ его рѣчи сплетены нераздѣльно, и богатства красокъ въ этихъ картинахъ всегда хватаетъ настолько, чтобы и старой и общеизвѣстной мысли придать красоту новизны и неожиданнаго открытія. Если Гюйо замѣнялъ философскую аргументацію лирическими отступленіями, то ученіе Ницше все сплошь—лирика восторженной и негодующей души, умѣющей говорить и языкомъ идилліи, и грозной филиппики и, наконецъ, апокалипсическаго восторга. Со времени Гейне Германія не имѣла писателя, который бы умѣлъ такъ насмѣхаться словомъ, такъ грозить и сражаться имъ. Какъ бы мы ни возражали противъ мыслителя, но читая Ницше мы обезоружены поэтомъ. Обезоруженъ былъ вполнѣ и Василій Петровичъ.

Но за фантастическимъ образомъ сверхчеловѣка нашъ товарищъ признавалъ кромѣ того большое культурное значеніе и видѣлъ въ немъ пугало для нѣкоторыхъ весьма въ жизни нежелательныхъ умственныхъ и нравственныхъ искривленій.

Со свойственнымъ ему умѣніемъ всегда добираться до зерна истины, заключенной въ томъ или иномъ ученіи, Василій Петровичъ отстаивалъ слова Ницше одинаково противъ нападокъ на нихъ во имя прописной морали, какъ и противъ ихъ опошленія голословнымъ признаніемъ ихъ безъ надлежащей критики. Для него эти слова были старой но-

винкой—развитіемъ и повтореніемъ мыслей, съ которыми онъ встрѣчался у Штирнера, Ренана, Штраусса и др., но повтореніемъ, какъ ему казалось, сказаннымъ очень кстати, въ моментъ, который требовалъ такого сильнаго и жестокаго слова.

Если свести всѣ размышленія Ницше о сверхчеловѣкѣ, объ альтруизмѣ и эгоизмѣ и о происхожденіи человѣческой совѣсти къ самому простому положенію, то всѣ эти заманчивые софизмы и афоризмы окажутся поэтическимъ славословіемъ силы человѣческой воли, всепобѣждающей и автономной. Большаго поклонника индивидуализма чѣмъ Ницше, XIX вѣкъ не создалъ: въ представленіи этого поэта воскресъ въ единомъ идеальномъ образѣ миѳическій герой, который на всю вселенную готовъ былъ смотрѣть какъ на арену для своихъ подвиговъ, конечной цѣлью которыхъ была его слава и прославленіе всего человѣчества въ немъ, какъ въ самомъ совершенномъ типѣ. Идеаломъ Ницше былъ уже не индійскій мудрецъ Шопенгауэра, а воинъ завоеватель, покоритель слабыхъ и сильныхъ, покоритель не во имя какой-нибудь идеи, которая имъ владѣетъ, а во имя своей собственной власти и главнымъ образомъ своей красоты. Что въ основѣ всего этого фантастическаго типа лежало прежде всего неудовлетворенное эстетическое чувство самого Ницше, болѣзненно въ немъ развитое быть можетъ вслѣдствіе нравственныхъ разочарованій,—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; но Василій Петровичъ цѣнилъ мыслителя не только за его страданія какъ художника. Онъ привѣтствовалъ въ его словахъ прежде всего апоѳеозъ человѣческой воли, которая, какъ ему казалось, нуждается теперь въ такомъ беззастѣнчивомъ напоминаніи о своей власти и силѣ.

Историческій моментъ, переживаемый нами, нашелъ въ Василіи Петровичѣ дѣйствительно очень строгаго судью—рѣшительнаго врага буржуазнаго строя жизни и буржуазнаго строя мысли, при которомъ человѣческая воля усыплена всевозможными традиціями религіозными, политическими, общественными и семейными, которыя она не хочетъ на-

рушать только потому, что такое нарушеніе можетъ въ матеріальномъ смыслѣ невыгодно отозваться на человѣкѣ; съ другой стороны, Василій Петровичъ былъ и рѣшительнымъ противникомъ соціалистическихъ тенденцій нашего вѣка, усматривая въ нихъ стремленіе закрѣпостить нашу волю, прикрѣпить ее къ извѣстному неподвижному строю жизни, въ которомъ будетъ тѣсно и мыслямъ, и чувствамъ, и гдѣ идолъ общаго регламентированнаго благополучія потребуетъ страшныхъ жертвъ и ограниченій отъ всякой сильной личности. Такое отвращеніе передъ буржуазной косностью и такой страхъ передъ соціалистической нивеллировкой достаточно объясняютъ, почему мирный и совсѣмъ не воинственный Василій Петровичъ такъ любилъ этого condottiere современнаго аристократизма—Фридриха Ницше. Онъ измѣрялъ его значеніе не созидающей силой, присущей его фантазіи, а силой разрушающей, которой такъ вооружена его критика общественно-политическихъ порядковъ нашего времени. И Василій Петровичъ былъ убѣжденъ, что онъ вѣрно понимаетъ Ницше и любилъ приводить тѣ мѣста изъ его книгъ, гдѣ Ницше, проповѣдуя безграничное самовластіе человѣческой воли, говорилъ о своей „любви“ къ людямъ. Пусть попытка мыслителя написать Prolegomena къ новой этикѣ и произвести переоцѣнку всѣхъ нравственныхъ цѣнностей не привела къ установленію осуществимыхъ нормъ новой жизни, пусть это ученіе казнило вмѣстѣ со многимъ ошибочнымъ въ нашей ходячей морали и много вѣрнаго и здраваго, пусть, наконецъ, оно приносило историческую правду въ жертву чрезмѣрно развитому чувству красоты—все же эти слова были бичомъ всякаго стаднаго чувства, принижающаго человѣческое достоинство; и Василій Петровичъ, видя какихъ невѣроятныхъ размѣровъ достигало это стадное чувство въ нашемъ обществѣ, готовъ былъ помириться съ отрицаніемъ его, доводившимъ человѣка до другой крайности. Онъ, такимъ образомъ, при всемъ своемъ преклоненіи передъ Ницше, не терялъ никогда соціальной почвы подъ ногами и стоялъ, конечно,

совсѣмъ не въ ряду тѣхъ лицъ, которыя вычитывали въ книгахъ Ницше лишь откровеніе эстетизма и полнаго общественнаго индиферентизма.

И, дѣйствительно, въ послѣдніе годы своей жизни онъ становился особенно раздражителенъ и нервенъ, и не могъ подавить въ себѣ этой нервности всякій разъ, когда разговоръ касался нашихъ русскихъ общественныхъ дѣлъ и вопросовъ. Онъ шелъ имъ навстрѣчу весьма неохотно, но все таки шелъ. Не всегда могъ онъ переносить эти вопросы съ практической почвы на чисто теоретическую, и иногда представлялась прямая необходимость столкнуться съ ними лицомъ къ лицу. Эта необходимость сердила Василія Петровича, и политика дня встрѣчала въ немъ почти всегда судью несдержаннаго или не въ должной мѣрѣ насмѣшливаго. Всего больше не любилъ онъ поспѣшнаго чисто словеснаго рѣшенія трудныхъ житейскихъ задачъ, и всегда отвертывался отъ показного либерализма; онъ искалъ въ людяхъ убѣжденій, купленныхъ долгой работой мысли.

Въ послѣдніе годы его жизни въ немъ самомъ происходила такая упорная, долгая и не всѣмъ видная работа, направленная на оцѣнку общественныхъ явленій нашей жизни, и она, конечно, не переполняла его сердца аркадскимъ благодушіемъ. Разрозненныхъ мыслей его по этимъ вопросамъ я приводить не стану; укажу только въ заключеніе на то, какъ за эти годы распредѣлились его симпатіи между русскими писателями. Прежде его любимцемъ былъ Тургеневъ. Онъ перечиталъ его три раза на студенческой скамьѣ и никакъ не могъ налюбоваться духовнымъ аристократизмомъ этого миролюбиваго прогрессиста и художника, его умѣньемъ, не теряя дѣйствительности изъ виду, смотрѣть съ высоты на нее. Теперь его любимыми писателями стали Герценъ и Щедринъ, страницы изъ которыхъ онъ заучивалъ наизусть. Въ Герценѣ, при умышленномъ желаніи, можно было еще любить и аристократа, и эстетика, и индивидуалиста; но любить Щедрина нельзя было иначе, какъ до извѣстной степени проболѣвъ вмѣстѣ съ нимъ всѣми са-

мыми прозаическими, острыми и хроническими болѣзнями нашей современности... и всѣ, кто стоялъ близко къ Василію Петровичу въ послѣдніе годы его жизни, могли замѣтить, какъ болѣзненно на немъ отзывались безчисленные реальные факты нашей жизни, въ которыхъ онъ видѣлъ частичное или полное осуществленіе кулачнаго права или въ которыхъ улавливалъ тенденцію сильныхъ разыграть такъ или иначе роль сверхчеловѣка передъ ближнимъ.

Все это показываетъ, сколько броженія было еще въ этой душѣ, сколько задатковъ для жизни...

Случайно оборвалась эта жизнь, и въ минуту самую невыгодную для нашего друга,—когда онъ, во всеоружіи философскаго знанія, съ богатѣйшимъ запасомъ эстетическихъ впечатлѣній, сталъ искать смысла жизни въ разгадкѣ той нравственной проблемы, которую она ставитъ.

Онъ не успѣлъ сдѣлать для разрѣшенія этой проблемы всего, на что его уполномочивала сила его ума и чувства, и всетаки исчезновеніе этой силы было признано всѣми, кто съ ней сталкивался, большой утратой. Этого достаточно для человѣка, имя котораго ни съ однимъ громкимъ и виднымъ общественнымъ дѣломъ не было связано.

И если говорить объ общественной заслугѣ покойнаго, то ее надо искать въ тѣхъ сѣменахъ мысли, которыя онъ бросалъ на своемъ пути. Онъ не давалъ спать уму ближняго. Стоя внѣ всякихъ партій въ вопросахъ и философскихъ, и общественныхъ, свободный мыслитель—онъ занималъ своего рода единственное мѣсто среди окружающаго его общества, разъединеннаго вѣрованіями, тенденціями и убѣжденіями. Онъ являлся примирителемъ между враждующими сторонами и работалъ на пользу соціальнаго мира тѣмъ, что разносторонностью и глубиной своего ума и образованія заставлялъ каждаго человѣка извѣстнаго направленія отдавать должное той долѣ истины, которая заключалась въ направленіи противоположномъ.

Для жизни нужны глубоко вѣрующіе и непоколебимо убѣжденные люди: она движется ихъ борьбой. Но и убѣ-

жденія и вѣра даются человѣку не сразу; они всегда плодъ весьма долгихъ колебаній и внутреннихъ безмолвныхъ споровъ съ самимъ собою. Встрѣтиться въ эти минуты раздумья съ умственной силой, не подчиненной намъ и несогласной съ нами, и безкорыстно ищущей добра и истины — великое благо.

Есть много убѣжденныхъ дѣятелей въ разныхъ областяхъ нашей жизни, для которыхъ встрѣча съ Василіемъ Петровичемъ была такой благой встрѣчей.

Н. Котляревскій.